

Кроме лиц индивидуальных, обыкновенно называемых "физическими", субъектами права могут быть еще и так называемые юридические лица. Кроме отдельных людей, носителями прав и обязанностей могут быть союзы людей и учреждения. Так мы говорим о правах и обязанностях государства, земства, акционерных компаний, благотворительных обществ и т. п. Словом, кроме индивидуальных субъектов права, по-видимому, существуют еще и лица собирательные, искусственные, создаваемые для удовлетворения общественных потребностей или же для осуществления коллективных целей группы частных лиц, причем эти собирательные лица носят название лиц юридических.

В науке учение о юридических лицах — одно из самых спорных. Спор идет в особенности о том, должны ли признаваться так называемые юридические лица особыми самостоятельными субъектами права, или же субъектами права должны быть признаваемы только отдельные индивиды?

I. Из существующих учений о юридическом лице прежде всего обращает на себя внимание так называемая теория фикций, коей родоначальником является знаменитый Савиньи; теория эта и в настоящее время находит себе многочисленных приверженцев. Сущность ее сводится к следующему: с одной стороны, для достижения целого ряда необходимых целей, которые не могут быть осуществлены разрозненными усилиями отдельных человеческих индивидов, представляется необходимым создавать учреждения и корпорации, наделяя их правами имущественными и другими. С другой стороны, этим правомочиям недостает такого реального субъекта, который мог бы считаться их обладателем, носителем. Между тем прав бессубъектных быть не может: мы не можем говорить о правах иначе, как приписывая их кому-нибудь: поэтому право в подобных случаях прибегает к фикции, т. е. создает лицо вымышленное, искусственное. В действительности субъектом прав может быть только человек; так называемые лица юридические суть лица только фиктивные.

После всего сказанного в отделе о физическом лице о том, что такое субъект права, теория Савиньи не нуждается в пространном опровержении. Достаточно указать, что она покоится на ложном предположении, будто действительными субъектами прав могут быть только живые, физически существующие люди. Говорят, будто субъектом прав может быть только такое лицо, которое действительно может наслаждаться, лично для себя пользоваться своими правами. Корпорации и учреждения не могут чувствовать, стало быть, и наслаждаться; отсюда сторонники теории фикций заключают, что они являются не реальными, а только фиктивными субъектами прав. Заключение это неверно потому, что в действительности субъект пользования,

наслаждения — вовсе не одно и то же. Мы знаем множество случаев, когда право принадлежит одному лицу, а пользуется, наслаждается им другое лицо. Положим, я завещал все мое имение душеприказчику, с тем чтобы он раздал столько-то бедным, столько-то разным благотворительным учреждениям: в этом случае субъектом права является душеприказчик, а субъектами пользования — бедные. Стало быть, нельзя отрицать за учреждением значение действительного субъекта права на том основании, что оно не является субъектом пользования. Мы видели, что понятие субъекта права вообще не совпадает с понятием конкретного, живого индивида; вследствие такого несовпадения субъектами прав прекрасно могут быть признаваемы учреждения и общества, причем для этого вовсе не нужно прибегать к фикции. В самом деле, фикция есть вымысел, предположение чего-то несуществующего; между тем, приписывая права учреждениям и корпорациям, мы вовсе не вынуждены вымышлять что-либо несуществующее: соединения людей в общества, преследующие определенные цели, а равным образом и учреждения с определенными функциями есть величины весьма реальные. Раз "субъект прав" — вообще не то же, что человек, то называть учреждения и корпорации юридическими лицами — вовсе не значит создавать фикции.

II. Не более верной является и теория Иеринга. Собственно говоря, она исходит из того же предположения, как и теория Савиньи. Савиньи учит, что действительным субъектом права бывает только живая, конкретная человеческая личность; того же воззрения держится и Иеринг. При общности основной посылки Савиньи и Иеринг расходятся, однако, в выводах, которые они из нее делают. По Иерингу, ошибочно вообще говорить об юридических лицах как о каких-то особых субъектах права: истинными субъектами права, по его мнению, являются вовсе не юридические лица, а отдельные их члены, т. е. лица физические, живые люди. Например, действительным субъектом права, согласно Иерингу, является не университет, а отдельные члены этого учреждения: ректор, профессора, студенты. Юридическое лицо как таковое неспособно чувствовать, наслаждаться, пользоваться правами, а следовательно, — неспособно иметь права. Права, которыми лицо само не пользуется, вовсе не есть его права. Поясним это положение примером. Из университета могут извлекать пользу профессора, студенты и т. д., а не самый университет, который не в состоянии извлекать для себя пользу из своих прав, неспособен чувствовать и наслаждаться: поэтому не университет, а лица, которым он служит, должны признаваться субъектами права. Вообще юридическое лицо, по мнению Иеринга, не более как способ проявления правовых отношений лиц, входящих в его состав.

Неверность основного предположения, из которого выходит Иеринг, была уже указана при разборе теории Савиньи. Но в теории Иеринга оно проведено еще последовательнее, а потому несостоятельность его становится еще яснее, еще нагляднее. В самом деле, в числе юридических лиц есть и такие, которые существуют совершенно независимо от желания или нежелания физических лиц, входящих в их состав. Если бы действительными субъектами прав университета являлись

профессора, студенты и т. д., то университет не мог бы быть основан иначе, как при наличии профессоров, студентов, членов университетской администрации, и мог бы прекратить свое существование по воле этих лиц. На самом деле, однако, мы видим совершенно иное: сначала правительство основывает университет, а потом назначает ректора, приглашает профессоров и открывает прием студентов. Следовательно, возникновение юридического лица в данном случае предшествует вступлению в него физических лиц, способных чувствовать и наслаждаться.

Точно так же университет не может прекратить своего существования по воле своих членов: ни в силу постановления профессоров, ни в силу решения студентов и т. д. Члены университета постоянно обновляются: одни выбывают, другие вновь вступают в него, — но сущность университета от такой перемены лиц нисколько не изменяется. Далее, если бы в силу какой-либо катастрофы, вследствие, например, чумной эпидемии, все лица, входящие в состав университета, внезапно вымерли, — университет не прекратил бы оттого своего бытия, а продолжал бы существовать и сохранять свои права.

Наконец, с точки зрения Иеринга оказывается неразрешимым вопрос: кого следует считать действительными субъектами права учреждения — наличных ли только его членов или также и будущих его членов? Очевидно, не наличных только, так как за выбытием членов сущность учреждения не изменяется. Если же признать, что учреждение является выразителем прав наличных и будущих его членов, то придется признать, например, такую нелепость: субъектами прав, присвоенных университету, должны считаться неокончившие курса гимназисты, новорожденные младенцы, даже зародыши, еще не явившиеся на свет Божий.

Несостоятельность теории Иеринга подтверждается также следующими примерами. С точки зрения Иеринга, субъектами прав богадельни являются те лица, которые пользуются ее благодеяниями: разного рода нищие, вдовы, больные и слабые старики. Но ни нищие, ни другие призреваемые не имеют права на поступление в богадельню; они принимаются туда во имя человеколюбия, а не во имя их права, стало быть, не они — действительные субъекты присвоенных богадельней прав. Также не могут считаться субъектами прав богадельни и лица, заведывающие ею; на имущество богадельни эти лица никаких прав не имеют: если же они совершают для нее какие-либо юридические сделки, то они действуют не по собственному праву, а в качестве представителей прав богадельни как юридического лица.

III. В сущности, теория Иеринга равнозначительна совершенному отрицанию

юридического лица. Еще резче то же отрицание выражается в учении немецкого юриста Бринца: он, как и Иеринг, полагает, что единственными субъектами права могут быть только живые, конкретные люди. С этой точки зрения Бринц восстает против теории фикции, сформулированной Савиньи. По его мнению, фикция лица предполагает признание того, что лицо в действительности не существует; но то, что не существует, не может обладать никакими правами. С этой точки зрения вообще нельзя говорить о юридических лицах. "Различать физические и юридические лица, — говорит он, — в юриспруденции то же самое, что в антропологии — делить людей на действительных людей и на садовые пугала". В праве, по его мнению, надо различать не два вида лиц, а два вида имуществ. Нужно различать имущества, принадлежащие кому-нибудь, и имущества, служащие чему-нибудь; имущества личные, составляющие сферу господства отдельного лица, и целевые имущества, предназначенные служить тем или другим целям.

По Бринцу, например, нельзя говорить об университете как о юридическом лице и субъекте права: то, что называется имуществом университета, принадлежит, следовательно, не университету как юридическому лицу, а той просветительной цели, которую преследует университет.

Таким образом, по Бринцу, выходит, что так называемые права юридического лица есть собственно права без субъекта; его собственность — собственность без собственника; его долги — долги без должника.

Если мы вникнем в теорию Бринца, то легко увидим, что она так же не выдерживает критики, как и теории Савиньи и Иеринга. Прежде всего эта теория противоречит природе нашей мысли. Учение Бринца приводит к признанию прав и обязанностей бессубъектных, т. е. таких прав, которые никому не принадлежат, и таких обязанностей, которые ни на ком не лежат. Между тем прав бессубъектных мы помыслить не можем, так как само предположение таких прав заключает в себе логическое противоречие. В действительности всякое право предполагает возможность что-либо делать, возможность осуществлять какие-либо цели; и такая возможность может принадлежать только лицам. Университет, например, помимо тех имуществ, которые ему принадлежат, может приобретать новые, может вступать в обязательства, заключать договоры, — спрашивается; может ли цель покупать или принимать на себя обязательства? Бринц на это отвечает, что право совершать такие действия принадлежит не самой цели, а ее физическим представителям, например по отношению к университету оно принадлежит правлению университета. Но все перечисленные действия совершаются членами правления университета не в силу их собственного права, а по праву университета; стало быть, как бы мы ни рассуждали, университет является субъектом прав, юридическим лицом.

К каким несообразностям может привести теория Бринца, легко видеть по следующему примеру. Представим себе, что существуют два общества А и В, которые обладают каждое своим имуществом и преследуют одну и ту же цель. Если бы их имущество считалось принадлежностью той цели, которую они преследуют, то мы имели бы не два отдельных имущества, а одно "целевое" имущество. В действительности, однако, мы видим нечто совершенно другое. На самом деле имущество составляет принадлежность не цели, а принадлежность двух обществ как определенных, разделенных и самостоятельных субъектов права, из коих ни один не может распоряжаться собственностью другого. Наконец, права могут принадлежать обществам и там, где еще вовсе нет имущества; например, за благотворительным обществом могут быть признаны права, хотя бы оно в начале своего существования не имело никакого имущества, — в предположении будущего имущества, которое имеет составиться из пожертвований и членских взносов. "Целевого" имущества здесь, стало быть, нет, а между тем существует общество, за которым закон признает правоспособность и которое поэтому должно быть признано субъектом права, юридическим лицом.

IV, От всех разобранных теорий о юридическом лице резко отличается теория "социальных организмов", распространенная в Германии (Гирке⁴¹ Беселер, Регельсбергер). Представители этой теории признают ошибочность того положения, в силу которого действительным субъектом права может быть только физическое лицо; по их мнению, рядом с индивидуальными субъектами права существуют субъекты права сверхиндивидуальные, а именно социальные организмы. Юридические лица — не фикции, а живые организмы, которые обладают своей особой, самостоятельной волей, чувством, желаниями, корпоративной честью. Отличительная черта лица, говорит Регельсбергер, есть воля, самостоятельные интересы и жизнедеятельность. Все эти признаки мы находим в тех двух видах юридических лиц, которые обыкновенно различаются в науке: в корпорациях и учреждениях. Корпорация составляется из отдельных человеческих личностей и представляет соединение их для общей цели. Вследствие взаимодействия воли отдельных индивидов, стремящихся к общей цели, возникает новая воля — воля коллективная, общая всем членам корпорации, образующаяся из индивидуальных волей, как поток из слияния отдельных ручьев.

Возьмем любой союз людей, например государство, церковь, общество ученое или благотворительное, акционерную компанию. Все они преследуют какой-либо особый интерес, имеют особую, самостоятельную волю, отличную от воли каждого отдельного индивидуума, входящего в состав этих корпораций, и, следовательно, должны рассматриваться как лица.

То же самое следует сказать и об учреждениях. Учреждение есть организм, посредством которого силы и деятельность отдельных лиц утилизируются для какой-нибудь общественной цели. Здесь также воля отдельных личностей образует новую, собирательную волю учреждения, отличную от воли участвующих в нем лиц. "Собирательные лица, — говорил Регельсбергер, — не суть произведения природы, подобно людям, а представляют собой социальные образования. Мы не можем видеть их нашими телесными очами, мы не можем их осязать: из этого, однако, не следует, что они представляют собой пустые схемы, фикции. Многие из этих собирательных лиц самым осязательным образом доказывают нам свое реальное существование. Не один только телесный мир существует реально. Кто отождествляет телесное с действительно существующим, тот должен вовсе отрицать существование права".

Против этой теории (социальных организмов) можно привести несколько всяких соображений. Профессор Петражицкий основательно указывает, что для существования юридического лица вовсе не требуется живого социального организма, обладающего самостоятельной волей, чувствами, желаниями и проч. Это можно выяснить на примере учреждений. Положим, что состоялось постановление правительства об основании университета, что из средств государственной казны отпущены суммы и приобретен участок земли, на котором построено университетское здание.

Отпущенные средства составляют имущество университета, который поэтому является уже правоспособным субъектом, юридическим лицом, хотя в момент его основания в нем нет еще ни ректора, ни профессоров и т. п., — одним словом, он признается юридическим лицом даже тогда, когда не может обладать волей и ни в каком случае не является "живым организмом". Точно так же не имеет значения признак обладания волей и для возникновения частных учреждений, например богадельни: достаточно одного крупного пожертвования или разрешения правительства на основании богадельни, чтобы она получила юридическое бытие. "Ясное дело, что ни от пожертвований, ни от подписи министра, — говорит Петражицкий, — не порождается никакого организма, кроме разве бумажного".

Единственным зерном истины в этой теории является признание того положения, что физическое лицо не является единственно возможным субъектом прав; но в целом изложенное учение не выдерживает критики.

С точки зрения данного выше определения права в субъективном смысле, те затруднения в учении о юридическом лице, которые служат камнем преткновения для

разнообразных теорий, — устраняются сами собой. Та внешняя свобода, предоставляемая нормами объективного права, которая, как сказано, составляет содержание права в субъективном смысле, складывается из двух элементов: это, во-первых, признанная нормою независимость лица от других лиц. Во-вторых, это условно предоставленная лицу возможность самоопределения, т. е. возможность что-либо делать, осуществлять те или другие цели. Установить, что следует в каждом данном случае подразумевать под "самоопределением" и под "самоопределяющей волей" лица, — зависит от самой юридической нормы: за волю лица она может считать не только волю живого индивида в психологическом значении этого слова, но и волю других индивидов — представителей, уполномоченных действовать от имени лица.

Как тот, так и другой элемент правомочия вовсе не составляет исключительной принадлежности живого индивидуального лица: как тот, так и другой может принадлежать и лицам идеальным. Признание независимости лица, ограждение его против посторонних посягательств может быть установлено не только в пользу отдельных живых индивидов, но и в пользу всякого субъекта, указанного правовой нормою: в пользу имеющего родиться, ожидаемого человеческого лица, если, например, ему завещано наследство, или в пользу заведомо идеального искусственного лица — товарищества, общества или учреждения. Точно так же и предоставляемая правом лицу условная возможность самоопределения вовсе не предполагает в этом лице реальной психической способности самоопределения.

Субъект прав — вообще не то же, что физически существующее человеческое лицо: если мы станем на эту точку зрения, то всякие затруднения в признании идеальных юридических лиц субъектами права падают сами собой. Субъектами права могут быть признаны соединения людей, как, например, корпорации, ученые и благотворительные общества; наконец, субъектами права могут быть и создаваемые человеком идеальные лица, предназначенные служить каким-либо общественным целям, — учреждения.

Возможность существования идеальных субъектов права обусловлена самой природою правоотношений. Юридические отношения суть вообще идеальные отношения между лицами. Право собственности, например, не есть физическое взаимодействие между лицом и вещью; оттого, что я стал собственником какой-либо вещи, в ней не произойдет никаких физических и химических изменений. Я, наконец, могу быть собственником вещи, которой я никогда не видел и не осязал, с которой я никогда не приходил в физическое соприкосновение. Право собственности представляет мыслимое, идеальное отношение между мной и прочими лицами, которые должны уважать мое право. То же самое следует сказать и обо всех вообще правоотношениях. Все правоотношения есть идеальные, мыслимые отношения, а не физические; вот почему и субъектами правоотношений могут быть лица идеальные, мыслимые, которых нельзя

видеть или осязать. Рядом с индивидуальными, физическими лицами существуют и лица собирательные, которых принято называть лицами юридическими.

Нетрудно убедиться в полезности и необходимости существования таких коллективных лиц. Кроме потребностей, которые могут быть удовлетворены одинокими усилиями отдельных людей, существует много потребностей, личных и общественных, которые могут быть удовлетворены только путем кооперации, соединенными усилиями нескольких или многих лиц.

И вот для осуществления таких целей, превышающих силы отдельных индивидуумов, люди соединяются в союзы, образуют государства, создают акционерные компании, вообще коллективные и искусственные лица, предназначенные служить общим целям. Эти лица наделяются правами, без которых они не могут осуществлять свои цели, и потому приобретают значение юридических лиц.